

Влас
Дорошевич

Первая прогулка богдыхана

Китайские сказки

Москва
2019

УДК 82-343
ББК 84(2=411.2)
Д69

Оформление, макет
Валерий Калныньш

Иллюстрации
Вера Коротаяева

Дорошевич, В. М.
Д69 Первая прогулка богдыхана : китайские сказки / Влас Михайлович Дорошевич; составление, предисловие и примечания С. В. Букчина. — М. : Время, 2019. — 176 с. : ил. — (Сказочное время).

ISBN 978-5-9691-1802-7

Российский «король фельетона» и «король репортажа» Влас Михайлович Дорошевич (1865–1922) не смог отказать себе в притязании на еще один титул — создал собственное царство литературно-этнографической сказки. Он много странствовал, в Китае впервые побывал в 1897 году, после путешествия на Сахалин. Его «китайские сказочки», полные восточной экзотики, неподражаемой народной мудрости и юмора, не могли ввести в заблуждение русскую цензуру, доносившую по начальству, что газета «Русское слово», «несмотря на неоднократные замечания, не прекращает печатать аллегорические сказки Дорошевича». Сказка, давшая название этому сборнику, рассказывает о том, как любознательный богдыхан Сан-Ян-Ки вынужден был притвориться мертвым, чтобы впервые в жизни прошествовать по улицам Пекина и хотя бы таким образом узнать, как живет его народ. Первое путешествие стало для него и последним — богдыхана, узнавшего правду, придворные уложили в могилу живьем. А первое, что сделал его наследник на троне, — отрубил голову придворному историку, первому церемониймейстеру и верховному жрецу. И что прикажете делать цензуре? Ясное дело, запретить!

ISBN: 978-5-9691-1802-7

9

7859691118027

ББК 84(2=411.2)

© Букчин С. В., состав,
предисловие, примечания, 2019
© «Время», 2019

Китайские сказки Власа Дорошевича

Влас Михайлович Дорошевич (1865—1922) вошел в историю русской журналистики с громким титулом «король фельетонистов». Читатели газет, в которых он печатался, раскрывая свежий номер, искали фельетон Дорошевича. Лев Толстой, пробегая взглядом по страницам газеты «Русское слово», говорил: «Посмотрим, что сегодня пишет мой Дорошевич». Во многих семьях было традицией вслух читать очередную публикацию прославленного журналиста.

В основе такого успеха лежало и «удивительно разнообразное остроумие» (Чехов), и своеобразный выразительный стиль, так называемая короткая строка, и яркая художественность его сатиры, нередко исполненной убийственного сарказма. Все это скреплялось контактом с читателем, очевидным и в его памфлетах и фельетонах на политические темы, и в очерках, посвященных сахалинской каторге, и в театральных рецензиях и очерках об актерах.

Разговор с читателем далеко не всегда можно было вести напрямую. Цензура внимательно следила за выступлениями журналиста. Но и журналист был непрост: для достижения своей цели он

нередко использовал форму сказки. Здесь Дорошевич, безусловно, опирался на давнюю традицию русской литературы, прежде всего на творчество Салтыкова-Щедрина, которого он неслучайно называл «величайшим учителем русского журналиста». Но если у Щедрина это русский фольклор, то Дорошевич использует образы и мотивы восточной мифологии. В его восточных сказках и легендах особо выделяется китайский цикл, который он сам обозначил как «Сто золотых китайских сказок».

Впрочем, первоначально «китайская тема» возникла в творчестве Дорошевича как более чем реальная — в виде отклика на события Ихэтуаньского восстания 1899–1901 годов в Северном Китае (его еще называют восстанием боксеров или больших кулаков, имея в виду, что его участники использовали приемы древних единоборств). Это восстание Дорошевич назвал «криком страшной, невыносимой боли, которую причиняет Европа, вонзаясь в Китай грязными когтями эксплуатации». Он пишет, что «европейским миллионам, европейской буржуазии... казалось более удобным иметь дело с мандаринами, чем с народом». И потому естественно, что, «видя, как иностранцы пользуются их нищетой, невежеством, пороками, китайские патриоты возмутились иностранцами и, не видя защиты со стороны властей, видя, что их власти держат сторону иностранцев, они восстали против мандаринов».

Эти слова — итог собственных наблюдений Дорошевича, впервые побывавшего в Китае в 1897 году во время путешествия на Сахалин, которое он совершил из Одессы на корабле Добровольного флота, доставлявшего на остров очередную партию приговоренных к каторге.

Вместе с тем китайские впечатления дали толчок его фантазии, обогащенной серьезным интересом к истории и культуре Китая, и в целом Востока. Интригуя читателя, он делится впечатлениями о том, как следил за подвигами героев и полубогов в китайском те-

атре теней, заходил в курильни, где возлежали любители опиума, как пил душистый чай из маленькой фарфоровой чашечки, слушая очередную сказку, которую ему якобы рассказывала «миленькая китаянка, похожая на маленькую фарфоровую статуэтку».

Так появляются в его творчестве «китайские сказочки». Наивные и простодушные на первый взгляд, они полны скрытого лукавства. Политический намек в них соседствует с неподражаемой народной мудростью и тонким юмором. Китай и Россия, казалось бы, такие разные страны. Но вот та же пропасть, разделяющая правителей и простой народ в Китае, разве это не актуально и для России? Дорошевич использует традиционный сказочный мотив путешествия, дающего возможность правителю своими глазами увидеть неприкрытую правду жизни. Любознательный богдыхан Сан-Ян-Ки вынужден притвориться умершим, чтобы впервые в жизни прошеествовать по улицам Пекина и таким образом узнать правду о своей стране, которую от него тщательно скрывали придворные («Первая прогулка богдыхана»). Погибает и богдыхан Юн-Хо-Зан, отправившийся переодетым в путешествие по своему государству, чтобы узнать, как в действительности живут его подданные. Жестокость, несправедливость, унижения и страх простых людей перед всесильными мандаринами — таково прозрение молодого богдыхана, за которое он заплатил самую дорогую цену («Приключения Юн-Хо-Зана»). Возможно, в большей степени, нежели любознательность, правителям свойственны слепота, ограниченность, а то и откровенная глупость, о чем с тонким сарказмом повествуют такие сказки, как «Дождь», «О пользе наук», «Награды», «Звездочет».

Обращенные к российской аудитории сказки Дорошевича говорили о вещах близких и понятных. Читатель догадывался, кто изображен под личиной богдыханов, мандаринов, льстивых мудрецов, угодливых сочинителей законов. О том, насколько тогдашняя российская власть чувствовала себя задетой, свидетельствует ра-

порт московского цензора, доносившего начальству, что «Русское слово», «несмотря на неоднократные замечания, не прекращает печатать аллегорические сказки Дорошевича».

Не только аллегория, политический намек были причиной успеха китайских сказок Дорошевича. Читателя, безусловно, привлекала и живописная экзотика Востока, и детальное описание местных традиций, подчас довольно жестоких. Последние отражены как в сказках, так и в «китайском романе» «Му-Сян», запечатлевшем трагическую судьбу влюбленной пары, которая стала жертвой страшных, тянущихся с незапамятных времен обычаев. Стоящее в подзаголовке этого произведения слово «роман» употреблено здесь в значении «любовь». От трагедии его героев, вполне реальных, живых людей, современников автора, веет духом народного предания. Последнее обстоятельство было решающим при включении «китайского романа» в эту книгу.

«Китайская тема» переливается разными красками в прозе Дорошевича: от фантастического гротеска, острой сатиры до драматического нравоописания и тонкой, изящной аллегории. Но независимо от жанра, в каждой вещи чувствуется — явно или завуалированно — призывная, обращенная к сердцу читателя гуманистическая нота. Дорошевич несомненно помнит об этих словах часто поминаемого им Конфуция: «Разве истинная человечность далека от нас? Стоит возжелать ее, и она тут же окажется рядом».

С. В. Букчин

ПЕРВАЯ ПРОГУЛКА БОГДЫХАНА

Богдыхан Сан-Ян-Ки* — да будет он примером для всех! — всю благословенную жизнь свою питал особое пристрастие к познаниям и путешествиям. Тем не менее он благополучно царствовал двести сорок две луны** и ему не удалось никогда видеть даже Пекина. Конечно, причиную этого был вовсе не недостаток желания. Каждый день богдыхан объявлял своему первому и полномочному министру Джар-Фу-Цяну:

— Сегодня я отправляюсь на прогулку и посмотрю Пекин!

Первый министр кланялся в ноги и спешил отдать необходимые приказания. Являлась стража, музыка, приносили паланкины, знамена, мандарины садились на коней. Первый министр докладывал:

— Все готово для исполнения твоей воли, сын неба!

* Здесь и далее сохранено авторское написание собственных имен лиц и династий. — *Примеч. ред.*

** Двадцать лет и два месяца. — *Здесь и далее примеч. авт.*

И богдыхан шел садиться в паланкин. Но в эту минуту всегда что-нибудь да случалось.

То выходил из толпы придворных верховный астроном, повергался на землю и говорил:

— Властитель вселенной, еще минута — и над Пекином разразится страшная гроза с ливнем и градом величиной с ласточкино яйцо, которое ты кушаешь. Страшный вихрь будет слепить глаза, и ничего нельзя будет рассмотреть. Беда была бы тому паланкину, который очутится в эту минуту на улице. Его бы подхватило на воздух, завертело, подняло до облаков и потом так шарахнуло бы об землю, что, конечно, сидящий в нем не остался бы жить ни одного мгновенья. Такой страшный ураган разразится сегодня над всем Пекином, включая твой дворец и сад. Само небо не смеет их тронуть. Так написано среди звезд и переписано в наши книги, радость вселенной.

То выходил вперед придворный историк, кланялся в ноги и говорил:

— Повелитель земли! Позволь тебе напомнить, что сегодня как раз день смерти твоего великого предка Хуар-Тзинг-Тзуна, жившего за двенадцать тысяч лун до нас, и обычай народный повелевает тебе в этот день безвыходно сидеть во дворце и предаваться, хотя бы наружно, печали!

То подбегал главный евнух, ударялся изо всех сил об землю и говорил:

— Повелитель рек, морей и гор! Только что привезли новую невольницу! Такой красоты я еще никогда не видел. Цветок, только что сорванный цветок. Мгновение ока жаль потерять, не видя ее. Пойди и только взгляни.

И прогулка отменялась.

Когда же, однако, исполнилось двести сорок две луны счастливого царствования и настала двести сорок третья, богдыхан Сан-Ян-Ки сказал:

— Ну нет! Довольно! Я знаю, чьи это штуки! Это все мудрит Джар-Фу-Цян. Но теперь пусть себе хоть лопнет, а я увижу Пекин!

Он подкупил преданных ему слуг и сказал:

— Бейте в большой гонг, звоном которого извещают о смерти богдыхана. Вопите как можно громче. Кричите: богдыхан умер! Рвите на себе одежды, царапайте себе лица — вам будет заплачено за все.

И он лег на высокое ложе, которое приготовили по его приказанию преданные слуги. Так и было сделано, как он велел.

Слуги ударили в большой гонг и объявили сбежавшимся бледным как смерть придворным:

— Свет солнца померк. Радость вселенной превратилась в печаль: наш премудрый богдыхан сидел за обедом, ел, ел и умер!

Дворец наполнился плачем и интригами. Первый и полномочный министр Джар-Фу-Цян ползал по земле около преемника и говорил:

— Я посвящу тебя, сын неба, во все тонкости управления страной. Доверься мне.

По обычаю первым долгом торжественно опорожнили корзину желаний, стоявшую около императорского трона. В ней, впрочем, была только одна бумажка, и на ней было написано только одно желание почившего богдыхана: «Желаю, чтоб меня похоронили на том же ложе, на котором я буду лежать во дворце, и пусть ни-

кто не осмеливается не только до меня дотрагиваться, но и близко ко мне подходить».

Желание почившего богдыхана священо и было исполнено. Его несли на императорское кладбище на том же ложе, высоко поднятном над толпой, на котором он лежал во дворце. Шествие было пышное и блестящее. Все были в белом. Улицы Пекина были полны народа, который сбежался посмотреть на богдыхана, хоть на мертвого.

Жрецы пели, придворные рыдали, народ делал свои замечания, а богдыхан лежал на своем возвышенном ложе и, приоткрыв один глаз, смотрел на Пекин.

«Ну и свиньи же китайцы! — думал он, лежа и глядя. — Как они могут жить под такими дырявыми крышами? Хоть бы были еще при этом тепло одеты на случай дождя, а то ходят рваные и драные. Послушать, однако, что такое они вопят?»

И, насмотревшись, он принялся слушать.

А пекинцы вопили:

— Ага! Дворцовая лисица Джар-Фу-Цян, конец пришел твоим грабежам и разбоям! Как новый богдыхан прикажет отрубить тебе голову, иди на тот свет без головы! А мы-то уж на нее поплюем, как выставят ее на всеобщее посрамление! Не будешь больше нас раздевать догола!

«Эге! Вот они почему такие! — сказал себе богдыхан. — Погоди же!»

Шествие между тем приблизилось к императорскому кладбищу. Народ удалили, и около могилы стали одни придворные.

— Ха, ха, ха! — расхохотался богдыхан, поднимаясь на ложе. — Ловкую штуку я с вами сшутил? А? Ну, Джар-

Фу-Цян, не случилось никакого урагана во время моей прогулки по Пекину?

Все стояли бледные, а Джар-Фу-Цян бледнее всех. Все дрожали, а Джар-Фу-Цян сильнее всех.

— Что ж ты хочешь теперь делать? — спросил он.

— Первым долгом, — отвечал богдыхан, — вернуться во дворец и сесть снова на трон, а дальше уж видно будет!

Джар-Фу-Цян беспомощно оглянулся на придворных.

— Это невозможно! — воскликнул, выступая вперед, придворный историк. — Мы должны жить согласно обычаям предков. А такого примера в истории не было, чтобы богдыхан умер и опять ожил. Это неслыханно. Это грозит страшными бедствиями и огромными волнениями среди народа! Это грозит гибелью Китаю, прямо надо сказать!

— Это невозможно! — воскликнул и верховный церемониймейстер. — Все дело в этикете. А это нарушение всякого этикета. Все сделано. Похороны состоялись. И главное — корзина желаний открыта, а она, по этикету, открывается только после смерти богдыхана. Значит, ты помер, раз корзина открыта. Да и этикета такого нет — для возвращения богдыхана с кладбища на трон. Кто же в стране будет исполнять наши священные законы, если мы сами первые не соблюдаем этикет! Это прямо грозит гибелью Китаю!

— Конечно, гибелью и ничем больше! — воскликнул и великий жрец. — Это противоречит всем святым установлениям нашей небесной религии. Сказано: раз богдыхан умер, он становится богом. А бог не может быть богдыханом. Богдыхан должен быть смертным, он должен править страной, боясь небесного гнева. А бог —

чего он будет бояться? Где же уверенность в его правоте? Это грозит всеобщим недовольством, смутами. Нарушение постановлений религии. Гибель, гибель Китая!

Богдыхан посмотрел грустно-грустно кругом.

— Ну что же! — сказал он. — Раз действительно это грозит такими бедствиями стране, делать нечего! Закапывайте. Я не хочу гибели Китая.

— Не следовало делать этой прогулки, радость вселенной! Я всегда говорил, что она принесет тебе несчастье! — сказал Джар-Фу-Цян, кидая первым лопату земли.

За такую прозорливость преемник Сан-Ян-Ки оставил Джар-Фу-Цяна первым министром и дал ему еще больше полномочий.

А Джар-Фу-Цян первое, что сделал, — отрубил голову придворному историку, первому церемониймейстеру и верховному жрецу:

— Уж очень они хитры!

ДОБРЫЙ БОГДЫХАН

Богдыхан Фан-Джин-Дзян, прозванный историками Мун-Су, что значит «отец народа», был добрым богдыханом и заботливым о народе. Когда до него доходили слухи, что где-нибудь вице-король обижает подданных, он сейчас же призывал вице-короля и приказывал палачам:

— А ну-ка снимите с этого молодца голову. Надеюсь, что его узнают на том свете и без головы, по одним его пакостям.

И сейчас же назначал вместо казненного другого вице-короля, самого лучшего, какого ему советовали советники и министры.

Он сам всегда читал все донесения вице-королей. В донесениях писалось, что Китай благоденствует, как еще не запомнит история: солнце светит удивительно исправно, дожди идут в свое время и жители не знают, что им делать с рисом. Богдыхан читал все это и думал: «А не врут ли?»

И вот пришла ему в голову мысль.

В назначенный день приказал он собраться во дворец всем своим министрам, советникам и царедворцам, сел на трон и объявил:

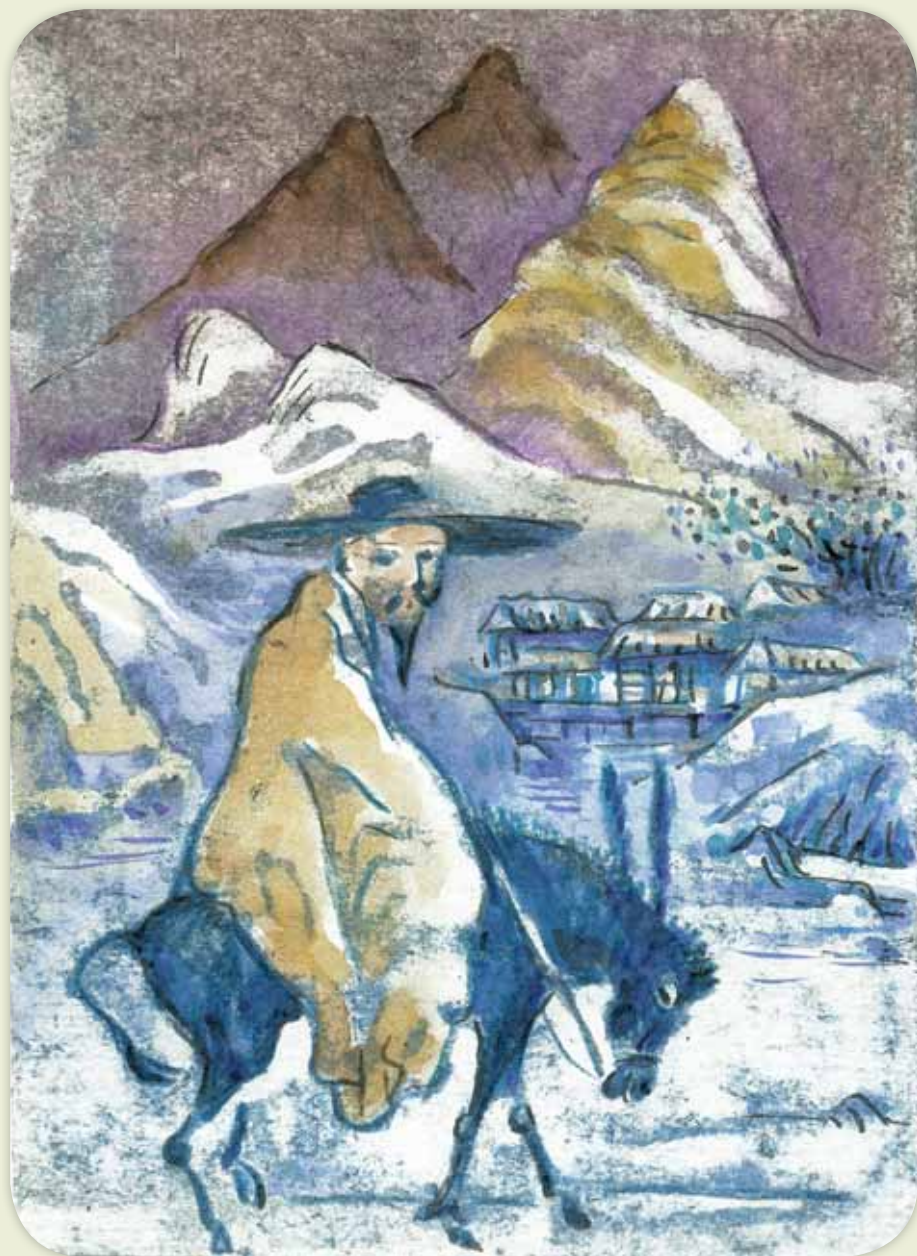
— Вице-короли пишут, что Китай наш благоденствует и что китайцы даже не знают, что им делать с рисом. Заботясь о нашем народе, решили мы об этом подумать, помолиться богам и допросить предков, что делать с несъеденным рисом, — так, чтоб это пошло на пользу народу. Посему мы отныне удаляемся во внутренние покои нашего дворца и займемся молитвами, размышлениями и духовными беседами с предками. А так как предков наших, благодарение богам, было немало, то и полагаем мы, что пройдет не менее трех лун, пока мы с ними со всеми перебеседуем, не обижая никого. И вот в течение трех лун воспрещаем мы нас беспокоить и являться во дворец кому бы то ни было. Три луны мы останемся невидимы ни для кого, кроме небес!

Министры, советники и придворные восславили мудрость богдыхана и разошлись из дворца радуясь.

А богдыхан меж тем позвал преданных своих слуг, переоделся нищим и их переодел, незаметно вышел из дворца и отправился странствовать по Китаю, чтоб узнать, правду ли пишут вице-короли в своих донесениях, и действительно ли народ так благоденствует, и так ли народ китайский в восторге от правителей.

Первой провинцией на пути богдыхана лежала провинция Пе-Чи-Ли.

Придя туда, богдыхан со своими спутниками подошел к одному дому и попросил:

– Во имя памяти ваших предков, добродетелями своими украшавших землю, а ныне украшающих небо, дайте горсть риса несчастным, умирающим с голоду!

Ему ответили:

– Судя по тому, что ты нищий, ты из нашей провинции и подданный нашего вице-короля. Но судя по тому, что ты просишь, чтоб мы тебе подали, ты, должно быть, откуда-нибудь издалека. А потому уходи от нас, неизвестный человек.

Богдыхан со спутниками подошел к другому дому. Там ему ответили на просьбу о горсточке риса:

– Нехорошо смеяться над чужим несчастьем!

И прогнали прочь.

В третьем доме на просьбу о рисе хозяева только заплакали. А в четвертом при слове «рис» хозяин поднял голову и спросил:

– А кто он? Мандарин или зверь?

Улыбнулся богдыхан и сказал:

– Вице-король Пе-Чи-Ли писал правду. Действительно, если б здешним жителям дать рису, они не знали бы, что с ним делать: они, кажется, никогда риса и не видели!

И стал он ходить по утрам по храмам, подслушивать, что говорит и о чем молится народ.

Желудки у китайцев были пусты, но храмы полны. Во всех храмах были толпы молящихся. И все повторяли только одну молитву:

– Святые наши предки, умолите небо, чтоб оно внушило нашему мудрому, нашему доброму, нашему заботливому богдыхану Фан-Джин-Дзяну превосходную

мысль — отрубить голову нашему вице-королю Тун-Фа-О. Такого мошенника, такого грабителя еще никогда и на свете не было.

Так молились все люди во всех храмах, как вдруг однажды, придя рано утром в храм, богдыхан увидел особенно горячо молившегося старика. Все горячо молились, но старик горячее всех. Богдыхан приблизился, чтоб подслушать молитву старика, и услышал.

— Святые наши предки, — молился старик, — внушите нашему доброму, но беспокойному богдыхану Фан-Джин-Дзяну, чтоб он оставил Тун-Фа-О нашим вице-королем на долгие и долгие годы. И да пошлет небо Тун-Фа-О жить до глубокой старости, а там начать жить сызнова.

Диву дался богдыхан и, когда старик кончил молиться, спросил:

— Скажи, почтенный старец, вероятно, вице-король Тун-Фа-О сделал тебе что-нибудь особенно доброе, что ты за него молишься?

Старик только усмехнулся:

— Не родилась еще мать матери того человека, которому Тун-Фа-О сделает что-нибудь доброе. Сразу видно, что ты нездешний, иначе бы ты не задавал таких глупых вопросов.

— Ну может быть, Тун-Фа-О тебе так нравится, — спросил богдыхан, — осанкой, наружностью? Ты его видал?

Старик сотворил молитву предкам.

— Благодарение богам: ни я ему, ни он мне никогда не попадались на глаза!

Богдыхан совсем стал в тупик.

— Почему же в таком случае ты молишься за него, когда все в этой провинции только и молятся, чтоб богдыхан поскорей отрубил Тун-Фа-О голову?

— А это потому, — отвечал старик, — что они еще молоды и глупы, света не знают. А я при третьем вице-короле живу. Был у нас вице-король Цу-Ли-Ку, жадный был человек, жестокий был человек, стоном стонала вся наша провинция. Мы и молились небу с утра до ночи: «Пусть богдыхан отрубит Цу-Ли-Ку голову!» Вняло небо нашим молитвам, шепнуло богдыхану эту мысль. Богдыхан позвал Цу-Ли-Ку в Пекин и приказал отрубить ему голову, а нам прислал вице-королем мандарина Ксанг-Хи-Ту. Еще жаднее оказался Ксанг-Хи-Ту, еще жесточе. Еще сильнее завопила провинция Пе-Чи-Ли, и принялись мы молить богов, чтоб нашептали они богдыхану мысль отрубить Ксанг-Хи-Ту голову. Опять услышало небо наши молитвы — позвал богдыхан к себе и Ксанг-Хи-Ту и ему отрубил голову, а нам прислал теперешнего Тун-Фа-О, да продлит небо его жизнь на долгие и долгие годы. Пройди всю провинцию вдоль и поперек, ни одного довольного лица не увидишь, ни одного сытого человека не встретишь. Мы сеем слезы вместо риса, и вырастает горе. Вот народ по глупости своей и молит небеса, чтоб они внушили богдыхану мысль отрубить Тун-Фа-О голову. А я человек старый, я боюсь, чтоб небо и впрямь не послушало их советов. Отрубит богдыхан Тун-Фа-О голову и пришлет к нам другого. А как другой-то еще хуже окажется? Хотя я думаю, что хуже Тун-Фа-О и ничего нет, — ну да ведь поручиться нельзя. Почем знать? Нет, уж пусть этот остается, да продлит небо его жизнь на долгие и долгие годы.

Огорчился богдыхан, выслушав эту повесть, не пошел даже странствовать по другим провинциям и прямо вернулся в Пекин и прошел во дворец.

Созвал он своих министров, советников и царедворцев и сказал:

— Совещание наше с предками продлилось менее, чем мы полагали, потому что предки наши оказались в советах кратки и подали нам все в один голос один благоразумный совет: впредь, что бы ни говорили нам про наших вице-королей, какие бы слухи о них до нас ни доходили, никогда их не менять. Пусть так и будет!

И все восславили мудрость богдыхана. А вице-короли в особенности. А мудрый старик из провинции Пе-Чи-Ли больше всех.

